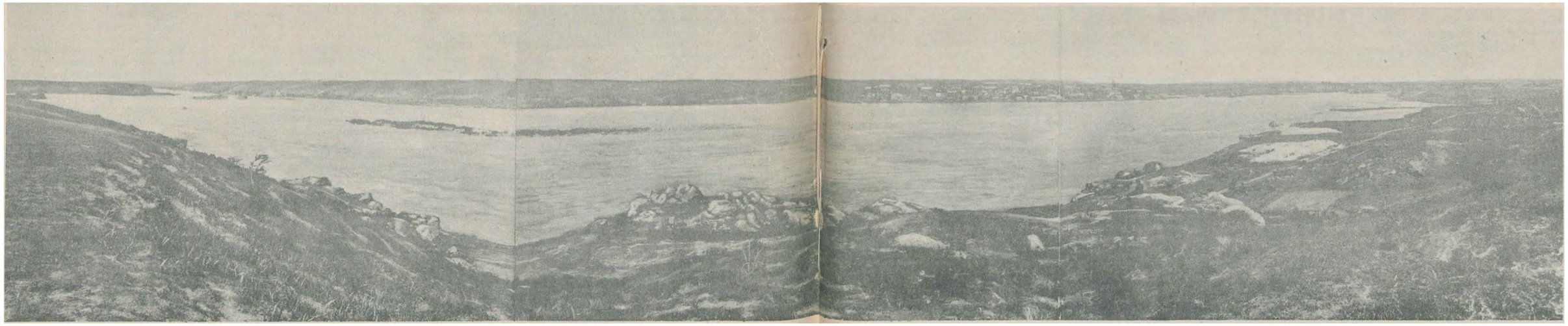
ТАМ, ГДЕ БУДЕТ ДНЕПРОСТРОЙ



Общий вид места сооружения плотины с левого берега Днепра. Указанные на снимке две трети территории (справа) будут затоплены водой. Направо—на горизонте виднеется острв Хортица, место Запорожской Сочи.

Севастопольский ускоренный приходит в Запорожье (бывший г. Александровск) в 12 часов ночи.

Останавливаемся в маленьком уютном номере Запорожской гостиницы до 7 часов утра, когда извозчик отвезет меня и моего спутника в колонию Кичкас.

От Запорожья до Кичкаса—8 верст. Вот мы уже за городом и едем по полю, а вдали виднеется Вознесенка—большое село, на которое Запорожье имеет свои виды. Город растет и ширится, ему и теперь уже тесно в его улочках и переулках. Как только закипит работа на Днепрострое, появится нужда в новых домах, и они станут расти, уходя за городскую черту, пока не подойдут, не сольются с Вознесенкой.

Мы едем по шоссе, а навстречу нам несутся нестройные голоса, звучит песня, смех и развеселые выклики.

Это—свадьба. Идут поезжане — ряженые. Один одет в вывороченную баранью шкуру, и ему хочется, чтобы его приняли за медведя, другой одет бабой, а хорошенькая молодица пририсовала себе пробкою залихватские усы и поет, и танцует под самою мордой нашей лошади:

„Гоп, мої грочаники,
Гоп, мої мілі".

Мы обгоняем их. Вознесенка остается позади, и вот уже на склоне виднеется Кичкас—колония менонитов, голландских выходцев, переселившихся сюда еще при Екатерине, получивших в надел землю, на которой они обосновались и зажили общиной. Мы под'езжаем к железнодорожному мосту, и мой спутник рассказывает мне его историю.

Мост дважды разрушали белые, и следы их разрушения виднеются еще и поныне. Теперь ему грозит третье и окончательное разрушение—он будет затоплен. Когда будет построена плотина Днепростоя, вода поднимется на поларшина над его рельсами. Шагом проезжаем мы по мосту, уплачивая на другом конце его казенную мзду за проезд—15 коп. с экипажа.

Нас встречают камни, величиною в человеческий рост, лежащие здесь и там—серые, с зеленоватым налетом лишайника, растущего из невидимых гор, камни, которым тысячи лет. Когда-то здесь было русло Днепра, потом оно обнажилось, вода ушла в другое место, передав свою жилплощадь людям... Вот извозчик сворачивает в уличку, и я вижу, что большинство домиков колонистов находится в самом тесном соседстве с этими камнями, Тут же рядом, одного с ними роста, по отличные по цвету, стоят стога сена, приготовленного на зиму.

Мы едем мимо сельсовета, кирхи и бывшего завода сельско - хозяйственных машин Абрагама Копп. Завод—двухэтажное строение из красного кирпича, пустой, с выбитыми глазницами—ныне бездействует. В нем царит смерть и разрушение. Это „постарался" Махно. Сворачиваем направо и останавливаемся у ворот дома, где помещается контора Днепростроя. Мой спутник ушел к себе домой, я иду к инженеру Яковлеву. Нахожу его в тесной комнате, кажущейся мне еще более тесной оттого, что вся она загромождена ящиками с образцами земляных пород. Тут же стоят бутылки с водой, взятой в разных местах Днепра.

11 часов дня. Ослепительно светло.

Днепр издали похож на богатыря в чешуйчатой броне, лениво отдыхающего на солнце. Скала Сагайдачного па западе охраняет его покой, дальше виднеется остров Хортица, место древней Запорожской Сечи. Мы идем к тому месту, где будет построена плотина, и на ходу я знакомлюсь с проектом профессора И. Г.Александрова.

Глубокое бурение. Рабочие бурят землю для исследования почвы на значительной глубине.

Днепровская проблема-вещь старая. Еще со времен Екатерины ученые неоднократно пытались разрешить ее рядом проектов. Обычно это сводилось к построению на каждом из Днепровских порогов обходных каналов, большинство которых действует и посейчас. Начиная с 60-х г. г. видное место в этих проектах занимают плотины. Обычно предлагалась постройка 5—7 плотин, однако, с годами количество это все уменьшалось, и проект профессора Александрова предлагает постройку всего одной плотины, длиною в 767 метров и высотой в 37 метров. Плотина эта даст возможность поднять воду на 37 метров, затопив все пороги до Днепропетровска и на 60 километров дальше в сторону Верхнеднепровска. Этим будет разрешена первая часть Днепровской проблемы, — а именно, порожистая часть Днепра станет судоходной, и Запорожье обратится в порт для судов каботажного плаванья. Кроме того, явится возможность использовать белый уголь—силу падения воды,

При в`езде в колонию Кичкас находится скала с отметками высоты разливов Днепра. Тысячу лот назад здесь было русло Днепра. Позже вода несколько раз возвращалась сюда, временно затопляя берега. Наибольший разлив был в 1843 году. Теперь это место будет затоплено водой.

направив ее на трубы гидростанции, примыкающей справа к плотине. С левой стороны, перпендикулярно к пей, в гранитах берегов будет заложена шлюзовая лестница из трех камер, длиной 120 метров каждая. Уровень Днепра поднимется на 37 метров, при чем здесь образуется значительный водный бассейн.

Я слушаю внимательно все эти вычисления, тороплюсь записать в блок-пот, что „в пределах работ первой очереди гидростанция даст 1.300 миллионов киловатт-часов в год, при себестоимости энергии в 0,46 к. за киловатт-час". Дальше я узнаю, что пропускная способность шлюзов будет равняться 300 миллионам пудов груза в год, стоимостью в 1,4 коп. с пуда, при грузообороте в 200 млн. пудов. По приблизительному же подсчету, Днепрострой сможет окупить себя лет через 6.

С балкончика общежития Днепростроя открывается интереснейшая панорама Днепра. Исторической места—остров Хортица, скала Сагайдачного — видны, как на ладони. Вот по воде Пробежал юркий катер, разрезая носом воду. Это—днепростроители выехали па промеры Днепра. Направо по берегу идет техник с двумя рабочими—несут нивеллир и колья. Они поднимаются на гору в направлении „Кресла Екатерины",—скалы, в самом деле напоминающей кресло, на котором будто бы восседала Екатерина, прибывшая сюда в сопровождении Потемкина.

Я еду знакомиться с местностью. Мой возница—местный житель—менонит. Ему 21 год, и он уже „судился по случаю отбывания воинской повинности". Дело в том, что менониты освобождаются от ношения оружия, но это связано с судебной процедурой.

мне рассказывает, что вот уже свыше 200 лет жили здесь его предки, теперь живет его семья, его община, все члены которой находятся в близком родстве, так как менонитки выходят замуж только за своих. Теперь Диепрострой грозит им переселением, Земля их будет залита, а взамен им дадут другую.

- Скажите, будет Днепрострой или не будет?

И, не дожидаясь моего ответа, гонит лошадей. Мы идем в гору. Уже темнеет. Мы под'езжаем к ограде кладбища, бросаем лошадей и перелезаем через запертую решетку. Необычайная простота, пет крестов, На могилах стоят урны из мрамора и гранита. Надписи всюду на немецком языке. Гергард Мартенс (возница) подходит к одному из памятников и, обняв его рукою, говорит:

Это мой дед!

И сейчас же спрашивает:

Кладбище тоже затопят?

Я чувствую, что это для него самое страшное, Но в его лице я имею дело с зажиточным собственном и мне хочется ему сказать:

"Мертвое хватает живое".

За оградой оставленные кони кусают друг друга. Протяжно ржет кобылица. Тонкий серп месяца светит над кладбищем менонитов. Мы возвращаемся домой.

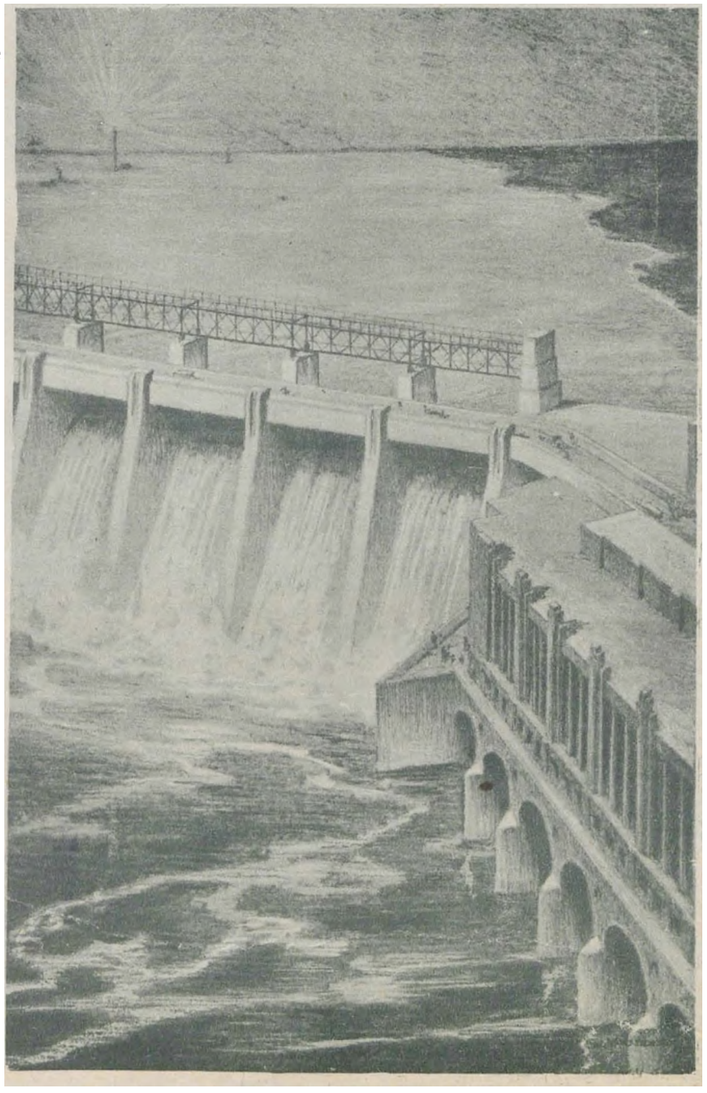
На другое утро я захожу в сельсовет. Из беседы с председателем я узнаю, что в Кичкасе числится 83 человека, из них 59%—немцев, 26%—украинцев, 13%—русских и 2%—остальных. Значительное Большинство среди жителей Кичкаса — хлеборобы. Кулаки давно уже уехали в Канаду, а середняки и бедняки говорят:

- Не надо нам заграницы. Была бы земля, а мы тут ладно проживем.

Кичкасе нет ни одного хозяйства, которое бы не подверглось обследованию комиссии по отчуждению. В виду затопления значительной части Кичкаса жители получат денежную и земельную компенсацию.

Я пробыл в Кичкасском районе три дня, но самое интересное впереди. Скоро сюда придет пятитысячная масса рабочих, и на Днепре закипит стройка—Основа мощи и благополучия освобожденного труда.

Михаил Сандомирский.



Проект гидро-электрической станции, мощность которой будет равняться 650.000 лош. сил.